

**НОВЫЙ
Журнал**

130

**THE NEW
REVIEW**

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Ю. Кротков</i> — Сирень	5
<i>П. Палий</i> — Замостье	20
<i>Г. Андреев</i> — Минометчики	49
<i>И. Маркадэ</i> — Значение Малевича в совр. живописи	65
<i>Р. Плетнев</i> — Л. Толстой и звукоподражания	75
<i>Е. Вагин</i> — Об эпитафии поэмы "Мцыри"	82

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ:

<i>Письма В. Розанова</i> (публ. Д. Перчонка)	92
<i>Неопубликованные воспоминания А. Вырубовой</i>	101
<i>О. Мочалова</i> — О Вяч. Иванове	150
<i>А. Бахрах</i> — Разговоры с Буниным	159
<i>И. Сивягин</i> — Творческая вылазка	189

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА:

<i>В. Ильин</i> — О "Вавилонской блуднице"	212
<i>М. Раев</i> — О книге А. Безансона	219
<i>В. Зубов</i> — Собаки в СССР	229

ПАМЯТИ УШЕДШИХ: *проф. кн. А. Щербатов* — К.Г. Белоусов.

<i>Ю. Кротков</i> — А. Галич	240
------------------------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ: *Е. Климов* — М. Добужинский. Воспоминания. *С. Крыжицкий* — Л. Ржевский. Две строчки времени. *Н. Андреев* — Н. Ульянов. Сириус. *С. Женук* — ВСХСОН. Сборник материалов. *Л. Ржевский* — А. Седых. Крымские рассказы. *С. Женук* — В. Стивенсон. Человек, названный бесстрашным. *Б. Нарциссов* — Три книги Ю. Миролюбова. *Книги для отзыва*

	246
--	-----

ПИСЬМА В. В. РОЗАНОВА

ПИСЬМО В. С. СОЛОВЬЕВУ

Добрый мой Владимир Сергеевич! Вот когда — только когда! — прочел I и VII гл. Вашего "Оправдания добра"; и просмотрел все остальные, т. е. план, и останавливаясь особенно везде на анализе стыда и даже мимолетных заметках о браке (моя тема, т. е. размышлений). Знаете, эта тема, т. е. Вашей книги, требовала бы большей *pietas, pietas* в тоне, изложении, т. е. не допускать нигде и никакой иронии (у Вас — к Шопенгауэру, Ницше, толстовцам — "бродячим праведникам"). Но Вы без шуток не можете, это уже очевидно Ваша природа, и конечно хорошо, что Вы ее нигде не скрываете, хотя в данном случае это помешало теме. Много я прочел — для себя мучительного, напр., ограничение значения традиции (в Предисл.); много поразительно сильного в аргументации: особенно где Вы находите общую ошибку у традиционалистов (я + Тихом.) и толстовцев и говорите, что нужно любить добро в себе самом, его познавать, к нему (неразб. — усиливаться? Д. П.). Но как это трудно, и вот ищешь авторитета: тут может быть я и погрешаю, но погрешаю слабою формою греха, неумелостью выбора. А неумелость — это не Содом, за который "сера льющая" — на голову.

Но вот стыд: повторяю, это моя тема. Представьте, никогда полового стыда я не испытывал. Просто считаю это предметом

Мы печатаем письма В. В. Розанова из архива доктора А. Аронсона, за что приносим ему нашу сердечную благодарность. Публикация проф. Д. Перчонка.

В этой книге мы печатаем письма В. В. к В. С. Соловьеву по поводу "Оправдания добра" и выдержки писем В. В. к А. С. Суворину. В след. книгах мы дадим письма В. В. к Измайлову, Рачинскому, Л. Гуревич и др. РЕД.

гордости. Пишу об этом и готов печатно признаться. Что "habio" (знаете шутку: "Papa nova habet ova") — это составляет для меня предмет даже тщеславия, как бы бабьего, и гораздо более серьезный, чем все мои сочинения. Не могу забыть Моисеева: "Скопец и каженник в сонм господен да не входит". Если я человек, то не потому что "je pense donc je suis", но потому, что "habeo". Позорно? Но я горжусь! — Что же, я проклят, скотоподобен? "Ни", как говорит Тертый Иванович язвительно в предисловии к знаменитому "Сборнику"; "ни", повторяю, но и прямо чувствую в себе Бога. Просто весели главным образом "ovis", т. е. тем, что Бог милосердный меня не оставил, но как всякой былинке в поле — вот "дал". Если он мне дал также и мысль, то ведь она еще заблуждается, и даже Аристотель исчислил формы заблуждений мысли; легкие, сердце — так себе в значении. Но ova — вот это многозначительно и, главное, совсем не умеет лгать: правдивость genitalий — поразительная! И никто не дерзнет сказать, чтобы это была правдивость пустого, малоценного, несущегося ветра, который пронесся и нет его...

Но "аще бы и книгу написал" об этом, всего бы не исписал. Нравится мне в книге Вашей, и также в предисловии к "Нрав. основам жизни" — что Вы все более уважаете народное, простое, историческое, все более скидываете с себя интеллигентных одежд (сравниваю мысленно с "Критикою отвлеченных начал"). Человек конечно важнее писателя, а писатель может быть велик только когда под ним великий и большой человек. В стремлении к правде, в усилении к простому благочестию, прямо в боязни захватить в сортир тот кусок газеты, где есть известие о похоронах — ценнее поэтических страниц книги, ибо есть уже хорошая страница прожитой жизни.

Ну, голубчик, устал безмерно; устал постоянно, всегда. От философии я должно быть давно отошел, п. ч. чистые вопросы, чувствую, меня вовсе не занимают. Пришел только в *старый* вострог, прочтя у Вас в примечании о врожденности идей, т. е. аналогию со врожденными позывами и способностями организма (напр. к еде). Вот то, что можно назвать гениальным в простоте выражения, при несокрушимости аргумента. Я начал книгу "О понимании", в сущности безмолвно оспаривая

проф. М. М. Гроицкого и его вечное Бэкониаство; книга эта в коренной мысли своей причина не "чистого", но бестолкового "разума" моего профессора. Я думаю, она покажется Вам совершенно неудовлетворительною по очевидному недостатку у меня сведений по истории философии; и Вы прочтете ее просто как первый труд, как "первую" — самую, правда, чистую "любовь" своего знакомца. Может и напишете мне что-нибудь; только *очень* не браните: просто я неравнодушен к той книге, как во-первых, "первой любви", а во-вторых безмерно дорого она мне стоила, т. е. труда и даже денег (1000 руб. я копил все время, как писал).

*

"Та религия истиннее, которой исповедники нравственнее" (см. Введение). Это ужасно ослабляет и понижает понятие религии. "Сила Божия в немощах сказывается"; "Где грех преизбыточествует — там преизбыточествует благодать" (приблизительно). Для внешнего наблюдателя открыты "немощь", "грех" — и он не замечал "Силы Божией" и "благодати" — проклинает и, так сказать, пердит в лужу. Петр отрекся от Спасителя: разве это не поразительно: от Бога уже виденного и ошупанного руками — отперся: как не отпереться Вольтеру и "даме приятной во всех отношениях", когда "все так говорят". Вот до чего слабость человеческая доходит. Мария Египетская — спаслась, а весьма и весьма "благочестивый" "богатый юноша" "отпущен" Спасителем со словами: "Грудно таковым войти в Царство Небесное". Религия "добрых нравов" вводит понятие "снобизма" в религию. Но, опять — всего не договоришь. Мне кажется в словах Псалма: "Грех мой предо мною есть" дана, до известной степени, мера доступной человеку религиозности: *вечное покаяние*. Разве Бейль не был прав в Dict. Lit. et Crit., написав, что с обыкновенной точки зрения — "Давид не только не праведник, но и является уголовным преступником, но по Библии etc.". Этот вот рационализм Бейля и есть полный дефект религиозного понимания. Религия вся в грехе копается, грех превозмогает, из греха сияет. "Погибших овец дома Израилева пришел взыскать" Спаситель. Вообще связь между грехом и

благом более глубока, и, так сказать, не механическая только, не связь предмета и тени, черного, без коего не было бы и белого, но *органическая, живая*. Тут правда мы входим в бездны самого Божества... И опять всего не испишешь.

Никогда я Вас не спрашивал, читали ли Вы мою статью (есть оттиск, и даже у Суворина — "Что выражает собою красота в природе", представляющий критику Вашего взгляда на тот же предмет). Очень плохо (вяло) написана, но нить восхождений мне кажется там правильно прослежена. Говорю это, прочитав Ваши рассуждения в VII гл. о восхождениях царств. Тут я вполне с Вами согласен. "Эволюция есть факт" — это у Вас хорошо. Вообще не нужно ни на минуту, религиозно мысля "отметать факты", или "бороться" с наукою. Но я верю, наука — только поплавок в океане боговедения. Ну, устал.

Ваш В. Розанов.

Не может ли кн. С. Трубецкой в вознаграждение за то, что ругал меня — дать наконец мне прочесть дельное им написанное — "Метафизику в древней Греции".

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ А. С. СУВОРИНУ

(1899 г.?)

Не знаю, как Бога благодарить, и какое горячее сказать Вам спасибо за устроение меня в "Нов. Вр". Ведь я все нервы вымотал с большой семьей на 150 руб. жалованья, когда эти самые "150 р." получал одинокий, в уездном городе, в I-й год государств. службы.

Время красивое и живучее (60-70 гг. — Д. П.). Теперь — много скучнее жить. Теперь все пошло в *отстой*: точно наливка: на солнце у трудолюбивой хозяйки: "пускай матушка постоит". Да, совсем другое время, признаюсь, мне не особенно по сердцу. (1900 г.)

Под беллетристическим фельетоном "Декаденты" я вставил другой псевдоним *Старый Провинциал* взамен не нравящегося мне "Ибиса".

(1900 г. №14)

Я почти не пишу частных писем: просто не могу; в статье —

заиграет мысль, и забываешься. А вообще чернильница — Горгона для писателя. И рожа у ней черная, скверная. (1901 г. №19, в Вене)

Гражд. брак и даже смешан. браки между евреями и христианами, без перехода еврея-жениха или еврейки-невесты в христианство. В Риме — упразднена уличн. проституция, и — тоже гражд. брак. У нас семью так охраняют, а ее почти нет; там почти разрушилась "христ. семья", а между тем только очистились уличные нравы.

Таким образом, нужно добиваться не свободной любви, но чтобы брак был фактически любящим и основывался на фактах любви...

От чего зависит серьезность семейных, да и всяких нравов? От серьезн. настроения человека. Но довольно справедливо можно сказать, что где чувство Бога — там и серьезность. А где оно, это чувство, в ком? Времена изменчивы, и есть целые поколения безрелигиозные и целые поколения религиозные... Вечно в человеке чувство Бога. Да отчего оно вечно? А оттого — что рождается. Откуда-то что-то такое идет, от звезд ли, но кажется более всего от смерти и рождения, но в силу чего мы ощущаем Бога. Бог в нас как искра в камне. Ударило событие — и мы верим, а еще вчера смеялись и нам казалось, что никогда не поверим. Так что страх перед развращенностью людской мне кажется неосновательным. Ведь ничто так не надоедает скоро как разврат: посмотрите, люди 60х годов, как они тихо сидят, и отличные теперь семьянины, и есть даже верующие. А уж кажется, та эпоха совсем покончила и с семьей, и с Богом.

Важно, чтобы семейных людей судили семейные. Ну, образуйте параллельно аскетическому Синоду из протопресвитеров Синод...

Генрих VIII из-за Анны Болейн потрянул католицизм в Англии; мудрые "как змеи" не оценили все-таки урока. Поразительно, что в сфере брака — первые христ. богословы путаются и перестают что-нибудь понимать: Папа проклял Генриха VIII, назвав развратником; он называл таким же именем и Лютера, женившегося на монахине. Но в воздухе напрасно прозвучали эти проклятия...

Все попытки связать брак с христианством ни к чему не

ведут, не искренни и разрушительны как для христианства, так и для брака. Брак они — оскопляют; а не выходит этого-то они ополяют (пол) христианство...

Где же спасение, т.е. поэзия и религия семейной жизни. Выйдя из-под папы и попав в руки гражд. чиновников он (брак) уже начал воскресать. Но есть путь дальше. Какой? Да по точному учению Церкви Иисус есть вторая Ипостась, Второе Лицо. Есть Первое, "Отец-Бог", и еще третье — "Дух Святой". Вот где спасение.

Что мы о них знаем? Где мы их видим? Как мы их чувствуем? Никак. Нигде. Ничего. Бог-Отец-Старец на потолке церквей. Да почему по крайней мере "старец". Он — Стар, "Ветхий деньми", "седяй на херувимах". Старое мира, древнее мира. Где оно? В чем? Да вот образ-пень, из которого вырос зеленый пруттик. Всякое "вчера" есть Бог-Отец каждого сегодня. Преемство времени, поток времени, из дня рождается ночь — из ночи день. (Дальше говорится о том, что Бог-Отец рождает, и что нельзя "все в мире отнести к Иисусу", а Бога-Отца рисовать почему-то старым. Д.П.) Как и о Св. Духе ничего не можем, кроме как нарисовать его в виде "голубя". Не много же... Возвращаясь к Отцу, мы нимало не погрешаем, не выходим из пределов Символа Никейского, и вместе в нас как будто начинает оживать весь древний мир. Вот отчего вопрос о браке, — великий мировой вопрос. В нем начало прозрения на истину иудейства (весь Израиль спасется — слова ап. Павла), на вечность Эллады, на ограничение Европы, которая знала Сына, но отторгнута и от Отца и от Св. Духа.

Не в мои 48 лет и при довольно скромном характере (и вовсе остывших страстях — между нами) заниматься "своб. любовью". Не знал этого в молодости, а теперь и Бог не велел. Ни одной девушки в жизни я не обидел. Государству детей своих на воспитание не сдавал. Но верьте же — тот вопрос мировой. Сказать, что христианство не девственно, значит, потрясти христианство, значит, сразу и одним словом погнать и папство и всех монахов и весь строй церкви — вон. Нет, оно девственно. А тогда, все остается на месте. Но брак как же, и он девственен? Ни один папа этого не скажет, этому засмеются куры. Но он говорит: "Мой — брак. Я — венчаю". Тут-то и начинается огра-

ничение, введение монашества в его естеств. границы. "Никаких вы этих венчать не можете, это уже не ваше, вовсе это не христианское, но не тревожьтесь, и не волнуйтесь — это просто религия Бога-Отца, которого и вы чтите, но не полно и не умело, и вот вам предстоит около себя допустить развиваться второй, Отчей, Апокалиптической церкви, которую Иоанн Богослов предсказал в заключении своего Откровения, и назвал ее "новым Иерусалимом, сходящим с небес". Но что это такое, но как она устроится — это не в первые же ее минуты решать. Будут другие, будут сильные".

(Подлинник этого письма в Рукоп. отдел. Рос. Публ. б-ки в Ленинграде, Д.П.)

(1898 г.)

Крадущийся и недоговаривающийся тон фельетона о Толстом выходит из опасности (даже от цензуры) темы. Вы знаете, что я очень (всегда был) религиозен и по сие время через 1 - 2 недели бываю у себя в приходской церкви; вообще люблю все церковное: итак, это не есть ни легкомыслие во мне, ни преднамеренная и тенденциозная враждебность к установлениям церкви, если я скажу, что в христианстве есть *неполнота*, и в таком пункте, что лишает его силы и даже надежды когда-либо овладеть жизнью. Эта неполнота и лежит в воззрении на семью и брак...

Спасаться не только можно, но и преимущественно можно "друг с другом", "вместе", "репка за репку": с детишками и "потрохами". Меняется теизм и меняется культура. Но я пытаюсь в самом христ-ве найти для этого зацепку: это — Вифлеем, который (как и все в существе таинства) нисколько не разработан в церкви.

(1901 г.)

...Да, если бы больше простора, просто физического, бумажного: я бы мало-по-малу заново поставил вопрос об отношении к католицизму. Ведь мы как решали?

1. Вечная вражда. Ну, что же, сиди и грызи ногти — ничего не получится. Это = 0.

2. Примирение, как отречение католичества от папства и

слияние с нами в качестве простого епископства. Да как же, когда папы *сделали католичество*? Ну, как вы будете мириться с Россией, *исключая из нее Рус. Государя*? Невозможно. Пустые разговоры. Пустые надежды.

3. Примирение как отречение от православия (Вл. Соловьев). Да, но разве можно убить *добрый русский дух*, отразившийся многими добрыми и простыми и мудрыми чертами и на православии. Несправедливо.

Итак, в отношении к католичеству мы до сих пор доработались до 0, *невозможного и несправедливого*.

Мы уткнулись носом в *filioque* и папство, т.е. в непонятную словесную прибавку и в зависть наших архиереев к римск. архиерею, который "обошел их чином" — и тронуться с места не можем. А что за дело русск. народу и до *filioque*, и до зависти наших архиереев? Католичество — великая культурная сила, вот чего нам терять из виду нельзя...

(...) Без Платона и Еврипида не обходился еще ни один народ. Отрицать вовсе *солидарность* народов — невозможно. Дойдем до самого кущего и тупоумного руссизма.

(Конец 1903 г.?)

(Жалобы Розанова на преследования со стороны ред. "Нов. Врем." Булгакова). Я до последней степени не только измучен, но и оскорблен: он говорит и поступает со мною как Андрей с подручными сторожами. Вы сделали бы большую милость Меньшикову, став в непосредственное к нему отношение, без посредства Булгакова. Прошу и умоляю Вас не отказать мне в этом. Лопнули силы. И зная мою молчаливость он (Булгаков) точно за всех на мне вымещает, совершенно крича, как сторож на сторожей. Не в силах и не в силах больше терпеть. Простите.

(1904)

В разные времена своей жизни я верил или пытался верить в разн. стороны нашей жизни: то в государство, то в церковь. А кончил, казалось бы, самой вульгарной верой — в литературу. Главное тут меня трогает ее *старательность*: чего-чего она *ни видит*, о чем только — ни заботится. Это в сущности превосходный штат не нанятых чиновников.

(1909 г.?)

Не откажитесь мне прибавить жалованье: теперь я получаю 350 р. в м-ц, а мне хотелось бы получать 500 руб.